

Невербальные стратегии смягчения коммуникации: паралингвистические эвфемизмы в кубинской речевой практике

Nonverbal Strategies of Communicative Mitigation: Paralinguistic Euphemisms in Cuban Discourse

DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-6-25-35

Получено: 24 сентября 2025 г. / Одобрено: 25 октября 2025 г. / Опубликовано: 26 декабря 2025 г.

А.В. Родченко

Канд. филол. наук,
доцент Дипломатической академии
Министерства иностранных дел РФ,
e-mail: arodchenko@yandex.ru

A.V. Rodchenko

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
e-mail: arodchenko@yandex.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию паралингвистических средств эвфемии в кубинской речевой практике и рассматривает невербальные стратегии смягчения коммуникации как важный элемент межличностного взаимодействия. Актуальность работы определяется наличием существенной лакуны в изучении эвфемистического потенциала жестов, интонации и мимики в рамках коммуникативной семиотики, несмотря на их ключевую роль в обхождении речевых табу, снижении категоричности высказываний и минимизации риска возникновения коммуникативных конфликтов. Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования паралингвистических эвфемизмов (прежде всего, жестов) и определении их знаковых свойств в кубинском социокультурном контексте. Материалом послужили данные полевого анкетирования информантов, а также сопоставительный анализ описаний жестов в словаре *Diccionario de gestos* и их реального употребления. Методологическая база включает семиотический, функционально-прагматический и сопоставительный анализ. В результате проведенного исследования установлено, что кинемы обладают развитой полисемией, синонимией и омонимией, демонстрируют вариативность и высокую зависимость от коммуникативной ситуации. Зафиксированы расхождения между словарной фиксацией и эмпирическими данными. Научная новизна состоит в первом системном описании паралингвистических эвфемизмов на материале кубинской культуры, демонстрирующем их семиотическое сходство с вербальными единицами. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов в курсах по межкультурной коммуникации, прагматике и при подготовке специализированных словарей невербальных средств.

Ключевые слова: паралингвистика, невербальные стратегии, эвфемия, кубинская национально-культурная специфика, кинема.

Abstract

This article explores the paralinguistic means of euphemism in Cuban speech practices and examines non-verbal communication softening strategies as a vital element of interpersonal interaction. The relevance of the study is determined by a significant gap in the research of the euphemistic potential of gestures and facial expressions within communicative semiotics, despite their crucial role in circumventing speech taboos, reducing the categorical nature of statements, and minimizing the risk of communicative conflicts. The aim of the research is to identify the features of how paralinguistic euphemisms function and to define their sign properties within the Cuban socio-cultural context. The research material included data from a field survey of informants, as well as a comparative analysis of gesture descriptions from the "*Diccionario de gestos*" and their actual usage. The methodological framework comprises semiotic, functional-pragmatic, and comparative analysis. The study found that kinemes possess developed polysemy, synonymy, and homonymy, demonstrating variability and a high dependence on the communicative situation. Discrepancies between dictionary entries and empirical data were recorded. The scientific novelty lies in the first systematic description of paralinguistic euphemisms based on material from Cuban culture, revealing their semiotic similarity to verbal units. The practical significance of the work is that its results can be applied in courses on intercultural communication and pragmatics, as well as in the development of specialized dictionaries of non-verbal means.

Keywords: paralinguistics, nonverbal strategies, euphemism, Cuban national and cultural specificity, kineme.

Введение

Коммуникация представляет собой сложный феномен, в котором вербальные и невербальные компоненты находятся в тесном взаимодействии. Феномен эвфемии, в свою очередь, относится к языковым универсалиям и является одним из важнейших средств обеспечения осуществления эффективной коммуникации. Большинство работ по этой проблематике, в основном, посвящено освещению лексического и фразеологического аспектов явления эвфемии, в то время как систематический анализ невербальных стратегий смягчения остается слабо изученной областью лингвистических и семиотических исследований, особенно в рамках специфических культурных контекстов. Этот пробел становится особенно кри-

тическим в эпоху интенсификации межкультурного взаимодействия, где неверная интерпретация жестов, мимики и интонаций может приводить к прагматическим неудачам и этическим конфликтам. Кубинское социокультурное пространство с его богатым и своеобразным репертуаром жестов представляет собой уникальный материал для изучения того, как паралингвистические средства функционируют в качестве конвенционализированных эвфемистических приемов, открывая новые возможности для исследования взаимосвязей невербальной коммуникации, стратегий вежливости и культурной специфики. Настоящее исследование, выполненное в русле современной коммуникативистики как комплексной междисциплинарной науки, направлено на анализ функцио-

нальных особенностей неверbalного общения и соответствует актуальному научному дискурсу о философии, культуре и языке [6, с. 5].

Актуальность исследования обусловлена значительным пробелом в изучении системного функционирования невербальных стратегий смягчения (интонации, жестов, мимики) как альтернативы вербальным эвфемизмам. Несмотря на упоминания в работах классиков на их потенциал [11; 25; 31], эти механизмы остаются слабо исследованными, особенно в этнокультурном аспекте. Жесты и мимика часто выступают как полноценная замена вербальных эвфемизмов в ситуациях коммуникативного дискомфорта, табу или присутствия третьих лиц, выполняя функцию «эвфемистических аналогов» [21, с. 62; 28, с. 10–12]. Невербальное выражение негативной оценки (взгляд, микрожест, поза) этикетно предпочтительнее и менее категорично, чем вербальное, снижая риск конфликта [21, с. 61–62].

Понимание паралингвистических стратегий эвфемии критически важно, прежде всего, в аспекте межкультурной коммуникации в целях предотвращения этикетных конфликтов из-за неверной интерпретации жестов/мимики [8; 28]. Кроме этого, такое знание необходимо в области перевода аудиовизуальных медиа, где интонация и невербальные элементы играют ведущую роль в адаптации эвфемизмов [14], а также в цифровой коммуникации (эмодзи имеют параллели с использованием жестов-эвфемизмов как суррогата вербализации в онлайн-общении [13]). В числе факторов актуальности следует отметить также уникальное стечие социокультурных и технологических аспектов, таких как рост международных связей, интенсивная миграция кубинцев в другие страны (в том числе, Россию), и глобализация цифрового общения (мессенджеры, соцсети), которые тиражируют мемы и видеоролики без культурного контекста, что может приводить к коммуникативным сбоям и этическим конфликтам.

Таким образом, исследование восполняет лакуну в изучении паралингвистических средств эвфемии, актуализируя её роль в эпоху мультимодальности и межкультурного диалога и способствует снижению кросс-культурных рисков в эпоху гибридных коммуникаций.

Исследование невербальных средств смягчения, кроме того, подтверждает универсальность когнитивных механизмов поиска непрямых способов выражения [13; 24].

Цель исследования — выявить, систематизировать и описать национально-культурную специфику функционирования паралингвистических эвфемизмов как конвенциональных стратегий смягчения коммуникации в кубинском социокультурном пространстве.

Объектом исследования статьи являются паралингвистические средства эвфемии в испаноязычной коммуникации как система конвенциональных невербальных стратегий смягчения речи, а **предметом** — национально-культурная специфика функционирования паралингвистических эвфемизмов в кубинском социокультурном пространстве.

Методы и материалы. Практическим материалом для исследования послужили данные самого полного словаря жестов Испании и Латинской Америки *Diccionario de gestos. España e Hispanoamérica* [34; 35], кубинские художественные фильмы, произведения современных кубинских писателей, а также опрос информантов (11 человек в возрасте от 32 до 57 лет).

В работе используется комплексная методика с применением современного научного аппарата: контекстуальный анализ литературных источников, семиотический анализ жестов, интервьюирование, анализ аудиовизуальных материалов (кинофильмы), а также кросс-культурное сравнение.

Научная новизна исследования заключается в первом системном описании кубинских паралингвистических эвфемизмов (с акцентом на жесты) как конвенциональных знаков, обладающих сложной семантикой, прагматикой, вариативностью и культурной спецификой, выявленной через оригинальную методику, имеющем значимое практическое применение для межкультурной коммуникации в эпоху глобализации и цифровизации. Работа вносит существенный вклад в паралингвистику, этнолингвистику, теорию эвфемии и исследования межкультурной коммуникации.

Паралингвистические факторы участвуют в формировании конкретного высказывания, обеспечивая его однозначную интерпретацию адресатом. Они образуют своеобразную вторичную коммуникативную систему, используемую языком и декодируемую с помощью языка [12, с. 46; 23, с. 13]. Некодифицированные знаки биосемиотического характера (т.е. неконтролируемые ответные реакции организма на внешние и внутренние раздражители) [23, с. 37], а также вообще экстралингвистические компоненты ситуации также способны служить богатым источником разнообразной информации об участниках коммуникативной ситуации. Например (диалог из к/ф *Fresa y chocolate*, Куба, 1993): «— *Estaba en Coppelia tomándome un helado cuando viene un tipo y se me sienta a la mesa. Un tipo raro. — ¿Un tipo raro? — Un maricón, chico. — ¿Y cómo tú sabías que era maricón? — Uno se da cuenta en seguida. Mira, había chocolate y pidió fresa.*» (Я был в Коппелии, сижу, ем мороженое, и тут подходит какой-то тип и садится ко мне за стол. Странный тип. — Странный тип? — Ну, голубой. — Откуда ты знаешь, что он голубой? — Ну, это же сразу видно.

Было шоколадное мороженое, а он взял клубничное.) В данной ситуации факт выбора клубничного мороженого — отклонение, с точки зрения героя картины, от стереотипного (мужского) поведения — послужил для него признаком или сигналом наличия определенной сексуальной ориентации у случайного соседа за столом в кафе (при этом у соседа не было намерения передать герою такую информацию).

Экстравергентные компоненты ситуации могут использоваться с эвфемистическими целями (ср., например, рекламные ролики женских прокладок, детских и взрослых подгузников, средств от поноса и запора, презервативов, — т.е. предметов, связанных с традиционно табуируемыми сферами), однако в отличие от параграфических факторов они не образуют подсистемы конвенциональных средств.

Использование параграфических средств «диктуется не ущербностью языковой системы... а лишь обстоятельствами внешнего порядка, связанными с характером коммуникации» [12, с. 15]. В определении статуса окорочевых явлений главенствует функциональный подход. Это означает, что содержание параграфического компонента ситуации может быть раскрыто только на основании его участия в формировании информации речевого высказывания, а не на основании его материального статуса [12, с. 47; 23, с. 12]. Соответственно, систематизация параграфических средств возможна также только на базе функционального подхода.

Из множества параграфических компонентов общения (звуковых, фонационных, кинетических) наиболее часто с эвфемистическими целями используются интонация (а именно ее просодические характеристики — экспрессивный, контролируемый компонент), мимика (или микрорежест, в терминологии К.У. Геворкяна [5, с. 10]) и жесты, представляющие собой центральный и наиболее изученный план кинесики и определяемые как «движения, совершаемые какими-либо частями тела (кроме производящих мимику), выполняющие коммуникативную функцию и имеющие свой, вычленяющий из других движений, стереотип в сознании членов какого-либо коллектива» [5, с. 7].

В исследованиях по эвфемии, как классических, так и актуальных [10; 11; 15; 25; 30; 31; 33; 36; 37; 39], указывается на потенциальные возможности интонации и жестов, однако их подробный анализ не проводится. Практически не упоминается об эвфемистических возможностях параграфических средств в работах по кинесике (см., например, [7; 9]). Наименее изученной в этом плане остается интонация, между тем, по выражению М. Касаса, именно интонация зачастую является «определенной

осью некоторых превращений смысла» [25, с. 112]. Речь идет, прежде всего, о приемах иронии, основанных на антифразисе (энантиосемии), часто в качестве вторичной выполняющих эвфемистическую функцию (например: *tu eres buena; virgen; señora honesta* в значении '*prostituta*'). Интонация, таким образом, может смягчать или менять на противоположный смысл нежелательных в стандартных ситуациях форм (например, обращение *sin vergüenza* — «бесстыдник» — или *mentiroso* — «обманщик» — женщиной по отношению к мужчине с соответствующей интонацией и сопровождающееся определенной мимикой может иметь целью флирт или поощрение тех или иных действий). В этих случаях сдвиг, возникающий в результате несоответствия языковых средств высказывания, приводит к возникновению подтекста. О.С. Ахманова также указывает на роль интонации при энантиосемии [1, с. 49]. Смысл табуированных форм смягчается при их произнесении «холодным, безразличным тоном» [36, с. 46] или при понижении голоса (иногда при этом может становиться нарочитой артикуляция — явление «немого» или «тихого» крика). М. Касас отмечает выказывание равнодушия, понижение или ослабление тона при произнесении слова *puta*, с помощью чего говорящий пытается сгладить негативный смысл прямого наименования [25, с. 113]. Интонация является мощным средством смягчения в коммуникативно-речевых ситуациях «Просьба», «Совет», «Отказ», «Порицание», «Извинение» и др. Так, например, в разделе о побудительных высказываниях и роли в них глагольных форм *futuro hipotético* и *imperfecto de indicativo y subjuntivo* С. Хили Гайя подчеркивает, что интонация определяет в каждом случае особенности оттенка каждой фразы [29, с. 56]. Таким образом, в условиях многозначности, возникающей в результате нейтрализации различительных признаков лексико-грамматического состава, интонация является основным смыслоразличительным признаком, позволяющим адресату однозначно интерпретировать высказывание, а в случае pragmatische однозначности способствует смягчению его категоричности.

В отличие от интонации, нераздельно существующей только с языковыми средствами, жесты и мимика в ряде коммуникативных ситуаций выступают по отношению к лингвистическим средствам как альтернативные [4, с. 4]. К таким коммуникативным ситуациям, с нашей точки зрения, относятся, прежде всего, ситуации, в которых возникает необходимость прибегнуть к эвфемизму. Неречевые элементы могут сопровождать речевые; могут также относиться к нулевому речевому элементу (в случае эллипсиса или абруптива), могут полностью заменять высказывание. Среди основных факторов, определяющих выбор

кинем в речи, выделяются ситуативная приуроченность и социальная маркированность.

Все кинесические элементы, используемые с эвфемистическими целями, являются кодифицированными (конвенциональными), т.е. имеют осознанный характер. Кроме того, этнокультурные особенности «неязыковой» коммуникации образуют важную составляющую национально-культурной специфики поведения и общения.

Несмотря на большое количество материала в Интернете (в основном, блоги, короткие видео и сайты для путешественников), до сих пор наиболее полной научной работой, описывающей жесты Испании и стран Латинской Америки является работа Дж. Мело-Цилио и С. Мехия 1983 г. [34; 35] (в дальнейшем *DG*), однако в ней много неточностей и даже ошибок. Например, кубинский мимический жест «переспрашивание» — наморщивание носа, сопровождаемое мгновенным малозаметным движением бровей вверх и небольшим движением головы назад (который воспринимается русскими как неодобрение, выказывание недовольства) в *DG* ошибочно ограничен исключительно территориями Боливии, Коста-Рики и Доминиканской Республики. Кубинский жест, означающий «сексуальные отношения» — «постукивание» сжатым кулаком в воздухе (рис. 1) — не имеет аналогии у русских и воспринимается буквально — «кто-то постучал» (данний жест отсутствует в *DG*). Описанный в *DG* жест *Cuernos* (рис. 2) и означающий в Аргентине, Колумбии, Испании, Перу, Уругвае, Венесуэле *conjuro de repulsión del mal agüero* («чур меня»), а выполняемый горизонтально — *tragó de dos dedos* (определенную порцию алкоголя) в Колумбии, Чили, Никарагуа, Перу, на Кубе однозначно воспринимается как *tarrú* — «рогоносец» и обычно показывается за спиной того, к кому относится. Столь большая разница в значениях одного и того же жеста представляет собой пример межвариантной омонимии, проявляющейся в данном случае

Рис. 1

Рис. 2

в сфере паралингвистических средств: кинемы визуально идентичны, но семантически не тождественны между вариантами. Очевидно, что для словарной фиксации подобные случаи критичны, поэтому требуется обязательная географическая маркировка.

В отличие от лингвистических и интонационных компонентов использование кинетических средств часто обусловлено присутствием третьих лиц, что, однако, не препятствует их причислению к эвфемизмам, поскольку такие знаки соотносятся с негативным денотатом и используются с целью избежания провоцирования отрицательных эмоций у одного (или нескольких) участников коммуникативного акта. В этих случаях кинемы (одна или несколько) обычно полностью заменяют высказывание. По отношению к третьим лицам эвфемистические жесты почти всегда сопровождаются дейктическими (указание рукой, взглядом, движением бровей, головы, губ и т.п.). В сочетании дейктических жестов с жестами-инвективами, определяющим фактором эвфемии по отношению к объекту инвективы становятся пространственные параметры поведения инвектанта (проксемический компонент ситуации) — нахождение вне поля зрения объекта инвективы.

Процесс образования кинем имеет сходство с номинацией в языке, когда происходит перенос наименований на основе ассоциирования по смежности или по сходству — механизм метафоры и метонимии, «означаемое и означающее не тождественны, но подобны друг другу» [20, с. 91]. Однако некоторые кинемы формируются на базе образных выражений, существующих в языке, как бы иллюстрируют их, и поэтому могут быть декодированы не владеющим данной системой неязыковой коммуникации только с помощью этого языка, используемого в рамках данной национальной общности. Эти кинемы представляют собой своего рода «двойной» знак: соотносятся с денотатом опосредованно, через вербальную метафору, осмысливаются через нее (напротив, в случае изобразительных и дейктических кинем «знаком знака» являются их языковые фиксации [2, с. 9]). Таковы, например, кубинские жесты *pájaro* — «птица» ('*hombre homosexual*' гомосексуалист ← *anda volando* «летящая (т.е. женская) походка») (рис. 3), *loco* — «ненормальный» (← *le falta un tornillo* «не хватает винтика» (не '*le fallan los tornillos* (винтиков)'), как ошибочно указано в *DG*) (рис. 4), *tacajo* — «жадный» (← *caminar con los codos* — букв. «ходить на локтях») (рис. 5).

Кинема *pájaro* («гомосексуалист») встречается в *DG* в разделе *Vuelo, volar* («Полет, летать»). Значение '*homosexual*' указано как факультативное, в скобках. Интересно, что помимо основного прямого значения («Полет») в Эквадоре данная кинема означает *loco* «не-

нормальный» (от *volado* — «улетевший»); в Аргентине, Боливии, Колумбии имеет значение *Váyase!* — «Уходите!» (*A volar!* — букв. «Летите отсюда!»). На Кубе этот жест обозначает только *pájaro* («гомосексуалист») и в прямом значении «птица», «летать» не используется.

Описание последнего жеста — *tacando* «жадный» — в *DG* имеет отличие от полученных нами результатов опроса информантов (по нашим данным постукивание локтя может производиться и ладонью, и кулаком, а не только ладонью). Описываемая кинема имеет также вариант — постукивание локтем по горизонтальной поверхности.

Особый случай представляет собой название жеста *tortillera* — от *tortilla* «лепешка» (в Колумбии, соответственно, *arepera*) — «лесбиянка» (рис. 6, 7), сформировавшийся как метафора на базе другой метафоры: потирание или касание ладонью ладони символизирует идею «подобное с подобным»; в свою очередь, этот жест напоминает движение рук, производимое при изготовлении лепешек.

Он фиксируется авторами *DG* практически во всех испаноговорящих странах. Согласно нашей гипотезе, варианты данной кинемы на Кубе территориально дифференцированы. Первый вариант — поочередное похлопывание, правая ладонь сверху левой, затем наоборот — используется преимущественно в западных провинциях; второй вариант — круговое потирание то в одну, то в другую сторону — преимущественно в восточных.

Менее условные (кодифицируемые) жесты так же, как и жесты-метафоры являются символами. Их можно отнести к жестовым метонимиям. Для их декодирования необходимо обращение к языку, и некоторые из них в определенных ситуациях могут быть понятны даже иностранному адресату. В качестве иллюстрации приведем жесты *barbudo* — «бородач» (если такой жест не сопровождается указанием на субъекта — носителя признака, например, *José el barbudo, Juan, el de la barba*, на Кубе он однозначно воспринимается как означающий «Фидель Кастро») (рис. 8), *pincho* — «человек, занимающий важную должность», «шишка» (рис. 9), *negro* — «темнокожий» (рис. 10), *ladrón* — «вор, грабитель» (рис. 11), *embarrizada* — «беременная» (рис. 12).

Поскольку кинемы следуют рассматривать как полноценные семиотические единицы, т.е. знаки, обладающие формой (движение/положение/мимика), значением и референтом, они подчиняются тем же типам семантических и прагматических процессов, что и вербальные единицы. При этом образование значения у кинем реализуется через известные концептуальные механизмы (метафору, метонимию, синекдоху) и через прагматическую модуляцию контекста. Полисемия кинем — это способность одной и той же кинематической формы реализовывать несколько, связанных или дистанцированных значений в зависимости от контекста (лексико-грамматического окружения, сопутствующих дейктиков, просодики, адресата и пр.). Метафорический перенос

Рис. 3

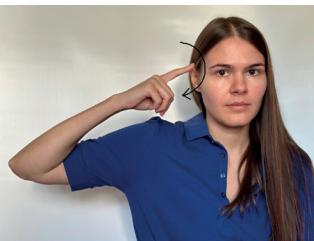

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

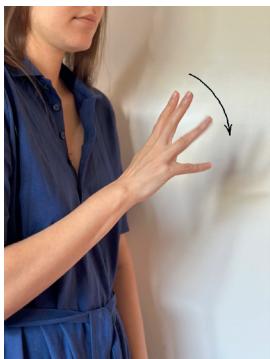

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

происходит как переход от образного мотива к абстрактному значению. Например, жест «перерезать горло» (рис. 13) активируется в значении *matar* — «убить» (*te va a matar* — «он тебя убьет» — метафора от *degollar* «перерезать горло, обезглавить»), но в контексте рассказа о кончине может обозначать *miró* — «умер»: та же форма, но разные референты в зависимости от коммуникативной установки. Метонимический перенос определяется как сдвиг от действия к состоянию или к носителю действия, так, например, кинема *beber* — «выпивать» (рис. 14) метонимически переходит в значения *está borracho* «пьяный» и «пьяница» (*le gusta* («он любит») + жест). Такой сдвиг демонстрирует переход от обозначения действия к характеристике состояния личности. Полисемия делает кинемы контекстозависимыми: для корректной интерпретации необходима транскрипция не только формы, но и сопутствующего дискурсивного и ситуативного контекста.

Кинемы вступают в отношения синонимии и омонимии (см. ранее о кинеме *tarrú* — «рогоносец»). Внутри одной и той же региональной общности разные кинематические формы могут выполнять тождественную семантическую функцию (см., например, жесты-синонимы, передающие значение *morir* — «умереть» (рис. 13, 15)), при этом кинема «крест» (рис. 15) не фиксируется в *DG* и также имеет на Кубе

дополнительное значение «поставить крест (на ком-то или на чем-то)».

Варианты кинем следуют понимать как алломорфы, действующие в границах допустимого. Так, для кинемы *embarazada* — «беременная» на Кубе существуют два варианта (рис. 12, 19), второй из которых дополнительно обозначает «толстый, пузатый, с брюшком», т.е. вариативность сочетается с полисемией. Для кинемы *tarrú* — «рогоносец» на Кубе зафиксированы три варианта (рис. 2, 17, 18), однако последний отсутствует в *DG*. Жест *persona negra* — «чернокожий» имеет на Кубе два варианта (рис. 10, 16) (авторы *DG* ошибочно ограничивают использование данной кинемы только территорией Пуэрто-Рико).

Аналогично фонологии жестового/мануального языка, форма кинем может быть представлена через совокупность параметров: рука (одна/обе), форма (положение кисти), локализация (лоб, виски, грудь и т.д.), направление и тип движения (постукивание, круговое трение, вращение), повторяемость, и другие маркеры (мимика, взгляд). Именно комбинация этих параметров детерминирует значение, а при их изменении (модификация локализации, типа движения и т.п.) происходит семантический сдвиг: форма перестаёт быть вариантом и становится иной кинемой. Так, например, в кинемах *bruto* — «тупой» *testarudo*, *cabezón* — «упрямый, упертый» (рис. 20, 21) значение

может зависеть от того, по центру лба или у виска производится движение (постукивание). В кинемах *inteligente* — «умный» (рис. 22) и *chiflado, loco* — «ненормальный, чокнутый» (рис. 4) смыслоразличительным является характер движения, производимого рукой (просто дотронуться или покрутить пальцем). Это указывает на необходимость строгой фиксации параметров при кодификации.

Важным фактором является социальная, функционально-ролевая и половозрастная маркированность некоторых кинем, а также их ситуативная обусловленность. Так, большинство информантов характеризует жесты *tortillera* — «лесбиянка» (рис. 6) и *copular* — «заниматься сексом» (рис. 1) как вульгарные и недопустимые в ситуации общения с незнакомым или более высоким по статусу адресатом, с адресатом противоположного пола или более старшим по возрасту. Тем не менее в симметричной коммуникативной ситуации, по мнению информантов, те же жесты вполне приемлемы и зачастую предпочтительнее слов (т.е. фактически являются эвфемизмами).

В процессе функционирования кинемы, как и верbalные знаки, бывают подвержены феномену «заражения» отрицательной коннотацией. Часто являются заменой инвектива, жесты быстро сами становятся инвективами.

Эвфемистические возможности мимики также относятся к малоизученной области кинесики. Мимика, в отличие от жеста, реже выступает в качестве самостоятельного компонента коммуникативного акта, замещающего нулевой компонент или все высказывание. Часто в роли самостоятельного элемента КА выступает улыбка, которая в зависимости от интенции коммуниканта может выражать сочувствие, иронию, ласку, презрение, подобострастие и т.п.

В примере из современной кубинской литературы *El chileno, con una sonrisa de comprensión y simpatía, le refirió una historia bien urdida: lo había visto salir del bar con la muchachita, muy borracho* [26, p. 40] — агент ЦРУ (чилиец) пытается расположить к себе кубинца, попавшего за границей в неприятную историю. Имеющий

место шантаж (фотографии в газете) умело представляется дружеской заботой; к улыбке добавляются *ademanes que pretendían ser amistosos* «жесты, которые должны были выглядеть дружелюбными» [26, p. 42].

В описанном примере улыбка как стандартизованный знак симпатии и расположения не отражает реальных эмоций, а используется коммуникантом как конвенциональный знак в определенных целях (шантажа).

Наиболее «красноречивым» элементом мимики, очевидно, можно считать взгляд, выражение глаз. Это видно в следующих примерах:

Y era distinto porque cuando ella, desnuda entre los helechos de la cañada, se ofrecía a los monteros de La Farruca, se sentía poderosa. Sólo la poseían si ella decía "sí" con la mirada. — «И это было иначе, потому что, когда она, обнажённая среди папоротников в овраге, отдавалась охотникам из Ла Фарруки, она чувствовала себя могущественной. Они овладевали ею, только если в ее взгляде они видели согласие» (букв. говорила «да» взглядом). [27, p. 115]).

El médico está de pie en medio de la salita... Es el mismo que me dió el parte ayer. Empieza a hablar y casi no lo entiendo, porque me está diciendo con los ojos las cosas que no quiero oír — «Доктор стоит посреди гостины... Тот самый, что вчера принес мне заключение. Он начинает говорить, но я почти не слышу его слов — ведь его глаза уже говорят мне то, что я не хочу слышать» (речь идет о смерти пациентки ожогового центра — близкого для героя повести человека) [32, p. 37].

Из других составляющих мимики, обладающих эвфемистическим потенциалом, нужно отметить ее дейктические возможности (указание взглядом, движением бровей и губами). Такие кинемы могут замещать нежелательный компонент высказывания. Например: *¿Ya no es contrarrevolucionario? ¿Lo reivindicas? Me imagino con qué + взгляд* (ниже пояса адресата) (к/ф *Fresa y chocolate*, Куба, 1993) («Так он уже не контрреволюционер? Ты его переубедил? Могу себе представить, чем»).

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

В реальном общении имеет место сложное пластико-мимико-жестово-интонационное сопровождение высказывания. Паралингвистические средства эвфемии обычно используются совместно с лингвистическими, например: *¿Bailamos? — No puedo. Estoy embaracutey* + жест (см. рис. 12) — «Потанцуем? — Не могу. Я в положении» (совместное использование двух типов эвфемизмов — невербального и вербального, *embaracutey*, образованное от *embarazada* путем сокращения с добавлением [19]). Ведущая роль того или иного компонента каждый раз определяется рядом объективных и субъективных факторов (в том числе индивидуальными психологическими характеристиками коммуникантов, их национальной, половозрастной принадлежностью и т.п.). Изучение этнокультурных особенностей неязыковой коммуникации, составляющей специфику речевого общения у разных народов и образующих своего рода «коммуникативную среду речевого акта» представляется важнейшим направлением в исследованиях межкультурной коммуникации.

Выводы. Итак, из множества паралингвистических компонентов общения (звуковых, фонационных, кинетических) наиболее часто с эвфемистическими целями используется интонация, мимика и жесты. Роль интонации является определяющей, в частности, в приемах иронии, основанных на антифразисе, а также в коммуникативно-речевых ситуациях «Просьба», «Совет», «Отказ», «Порицание», «Извинение» и т.п. Кинетические эквиваленты языковых знаков в ряде коммуникативных ситуаций выступают по отношению к лингвистическим средствам как альтернативные и нередко используются в функции эвфемистических аналогов языковых единиц. Все кинетические элементы, используемые с эвфемистическими целями, являются кодифицируемыми (конвенциональными) и образуют важную составляющую национально-культурной специфики поведения и общения. Кинемы обладают знаковыми свойствами (проявляют полисемию, вступают в отношения синонимии и омонимии, могут проявлять вариативность). Вариативность кинем имеет пределы, за которыми меняется их значение. Важным фактором является также социальная, функционально-ролевая и половозрастная маркированность некоторых кинем, а также их ситуативная обусловленность. Из составляющих мимики эвфемистическим потенциалом обладают улыбка как стандартизованный знак симпатии и расположения, взгляд, выражение глаз и лица, а также ее дейктические возможности (указание взглядом, движением бровей и т.п.).

И паралингвистические, и лингвистические средства эвфемии нередко используются совместно. Такая избыточность повышает их эффективность и сни-

жает вероятность недостижения цели смягчения и, как следствие, возможность возникновения этикетных конфликтов.

Заключение

В результате исследования были получены данные, расширяющие понимание невербальных стратегий смягчения коммуникации, и имеющие как теоретическое, так и практическое значение. В работе впервые системно описаны кубинские паралингвистические эвфемизмы (прежде всего, жесты) и доказан их статус конвенциональных знаков со сложной семантикой, вариативностью и ярко выраженной национально-культурной спецификой. Результаты не только подтверждают универсальность когнитивных механизмов эвфемизации (таких как метафора и метонимия), но и раскрывают их культурно-обусловленную реализацию в неверbalном коде. Выявлены и описаны специфические кубинские кинемы (например, *tarrú*, территориальные варианты *tortillera*; *pájaro* в уникальном значении), уточнены или опровергнуты данные авторитетных источников (словарь DG) относительно их распространения и значений на Кубе. Убедительно показано, что жесты-эвфемизмы обладают свойствами знаковой системы (полисемия, синонимия, омонимия, вариативность с четкими пределами) и социально-ситуативной маркированностью.

Результаты важны для предотвращения этикетных конфликтов, вызванных неверной интерпретацией жестов/мимики, что особенно актуально в контексте роста международных связей, миграции и туризма. Знание культурной специфики невербальной эвфемии снижает кросс-культурные риски. Кроме того, понимание паралингвистических стратегий смягчения незаменимо для адекватной адаптации эвфемизмов при дубляже и субтитрировании фильмов, сериалов, особенно с кубинским культурным контекстом. Наряду с этим, выявленные закономерности использования жестов-эвфемизмов как суррогата вербализации дают ключ к пониманию и интерпретации аналогичных функций эмодзи и других невербальных элементов в онлайн-общении.

Материалы исследования могут быть использованы в курсах испанского языка, межкультурной коммуникации, переводоведения для подготовки специалистов, работающих с кубинской и латиноамериканской культурами.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с более глубоким анализом просодических характеристик интонации (высота, громкость, темп, тембр) как ведущего паралингвистического средства эвфемии в различных коммуникативных ситуациях; изучением динамики жестов-эвфемизмов

в диахроническом и социолингвистическом аспектах; системным сравнительным сопоставлением с другими национальными вариантами испанского языка. В современном контексте интерес представляет также анализ того, как традиционные жесты-эвфемизмы трансформируются и адаптируются в цифровой среде (эмодзи, гифки, видеокоммуникация), и как это влияет на межкультурное взаимопонимание.

Таким образом, исследование закладывает фундамент для дальнейшего изучения этнокультурных особенностей паралингвистической эвфемии, подчеркивая ее важную роль в обеспечении эффективного и этичного межличностного и межкультурного взаимодействия в современном мультимодальном мире.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. — М.: Сов. энциклопедия, 1969. — 607 с.
2. Блинова А.В. Структурно-семантический анализ невербальных средств в коммуникации и их отражение в языке и речи [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Блинова. — М., 1994. — 16 с.
3. Брызгунова Е.А. О смыслоразличительных возможностях русской интонации [Текст] / Е.А. Брызгунова // Вопросы языкоznания. — 1971. — № 4. — С. 42–52.
4. Галичев А.И. Кинесический и проксемический компоненты речевого общения [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.И. Галичев. — М., 1987. — 22 с.
5. Геворкян К.У. Кинесический язык (Введение в кинесику) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.У. Геворкян. — Ереван, 1991. — 39 с.
6. Гончарова Л.М. Исследовательские направления современной коммуникативистики [Текст] / Л.М. Гончарова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 5–6. — DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-1-5-6 (дата обращения: 07.09.2025).
7. Горностаева Ю.А. Жесты комфорта как невербальные маркеры стресса при обсуждении остросоциального вопроса [Текст] / Ю.А. Горностаева, П.А. Колмогорова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 21. — № 1. — С. 30–53. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhesty-komforta-kak-neverbalnye-markery-stressa-pri-obsuzhdennii-ostrosotsialnogo-voprosa> (дата обращения: 03.08.2025).
8. Гуревич Т.М. Национально-культурная обусловленность непрямой коммуникации [Текст] / Т.М. Гуревич // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — № 2. — С. 163–166.
9. Дубинский В.И. Кинемы. Невербальный язык в жестах [Текст] / В.И. Дубинский // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2015. — Т. 4. — № 2. — С. 15–20. — DOI: 10.12737/10570 (дата обращения: 14.09.2025).
10. Зверева М.И. Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / М.И. Зверева. — М., 2024. — 164 с.
11. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия [Текст] / А.М. Кацев. — Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. — 80 с.
12. Колшанский Г.В. Паралингвистика [Текст] / Г.В. Колшанский. — М.: Наука, 1974. — 81 с.
13. Кольцова Е.А. Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении [Текст] / Е.А. Кольцова, Ф.И. Карташкова // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 769–783. — DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783 (дата обращения: 03.08.2025).
14. Коротеева В.В. Полимодальный и лингвистический аспекты исследования межсемиотической адаптации эвфемизмов [Текст] / В.В. Коротеева, Н.В. Железникова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 76. — С. 76–104. — DOI: 10.17223/19986645/76/4 (дата обращения: 02.08.2025).
15. Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? [Текст] / М.В. Ларионова. — М.: Московский государственный институт международных отношений (университет), 2015. — 327 с. (дата обращения: 03.08.2025).
16. Логвина С.А. Особенности просодической организации некоторых понятийных элементов эвфемизма [Текст] / С.А. Логвина // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. — № 4. — С. 716–732. — DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prosodicheskoy-organizatsii-nekotoryh-ponyatiynyh-elementov-evfemizma> (дата обращения: 02.08.2025).
17. Мудрая О.В. Функции невербальных компонентов в системе языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Мудрая. — М., 1995. — 16 с.
18. Николаева Т.М. Языкоzнание и паралингвистика [Текст] / Т.М. Николаева, Б.А. Успенский // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. — М.: Наука, 1966. — С. 63–71.
19. Родченко А.В. Фонетические средства эвфемии в испанском языке (на материале кубинского национального варианта) [Текст] / А.В. Родченко // Филологический аспект. — 2024. — № 9. — С. 43–50.
20. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 784 с.
21. Талыбина Е.В. Невербальные средства коммуникации в русском речевом этикете [Текст] / Е.В. Талыбина // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2005. — № 1. — С. 59–65.
22. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания [Текст] / И.Г. Торсуева. — М.: Наука, 1979. — 111 с.
23. Чанышева З.З. Взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе речевого общения [Текст] / З.З. Чанышева. — Уфа: Изд-во БГУ, 1984. — 80 с.
24. Allan K., Burridge K. Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
25. Casas Gómez M. La interdicción lingüística. Mecanismos de eufemismo y disfemismo. Cádiz: Servicio de publicaciones, Universidad de Cádiz, 1986. 297 p.
26. Chavarría D., Vasco J.E. Completo Camagüey. La Habana, 1990. 210 p.
27. Sofrño M. La última mujer y el próximo combate. La Habana, 1975. 303 p.
28. Gawne L., Cooperrider K. Emblems: Meaning at the interface of language and gesture // Glossa: a journal of general linguistics. 2024, vol. 9, no. 1, pp. 1–39. URL: <https://doi.org/10.16995/glossa.9705> (accessed: 01.08.2025).
29. Gili y Gaya S. Curso superior de sintaxis española. Barcelona, 1985. 347 p.
30. Hualde J.I., Prieto P. 10 Intonational variation in Spanish: European and American varieties // Intonation in Romance.

- 2015, pp. 350–391. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199685332.003.0010> (accessed: 31.07.2025).
31. Kany C. American-Spanish Euphemisms. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. 243 p.
 32. López Velaz E.F. El reverso de la moneda. La Habana, 1996. 119 p.
 33. Mansur Guérios R.F. Tabus lingüísticos. Río de Janeiro: Organizaçāo Simões Ed., 1956. 243 p.
 34. Meo Zilio G., Mejía S. Diccionario de gestos. España e Hispanoamérica. Bogotá, 1983. T. I. 190 p.
 35. Meo Zilio G., Mejía S. Diccionario de gestos. España e Hispanoamérica. Bogotá, 1983. T. II. 235 p.
 36. Montero E. El eufemismo en Galicia (Su comparación con otras áreas romances). Universidad de Santiago de Compostela: Verba, Anuario Gallego de Filología (anexo 17), 1981. 332 p.
 37. Rabanales A. Eufemismos hispanoamericanos (Observaciones al libro de Kany) // Revista Portuguesa de Filología. 1966–1968, no. XIV, pp. 129–155.
 38. Roberto Y. New vs. Old Information Intonation Strategies in the Spanish Spoken in Pasto, Colombia // Hispanic Studies Review. 2025, vol. 9, no. 1. URL: <https://hispanicstudiesreview.cofc.edu/article/128599-new-vs-old-information-intonation-strategies-in-the-spanish-spoken-in-pasto-colombia> (accessed: 01.08.2025).
 39. Senabre R. El eufemismo como fenómeno lingüístico // Boletín de la Real Academia Española. 1971. LI, pp. 175–189.
- ## References
1. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sov. entsiklopediya, 1969. 607 p. (in Russian)
 2. Blinova A.V. Strukturno-semanticeskii analiz neverbal'nykh sredstv kommunikatsii i ikh otrazhenie v iazyke i rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Structural-semantic analysis of non-verbal means in communication and their reflection in language and speech: Abstract of PhD thesis]. Moscow, 1994. 16 p. (in Russian)
 3. Bryzgunova E.A. O smyslorazlichitel'nykh vozmozhnostakh russkoj intonatsii [On the semantic distinctive possibilities of Russian intonation]. Voprosy iazykoznanija. 1971, no. 4, pp. 42–52. (in Russian)
 4. Galichev A.I. Kinesicheskii i proksemicheskii komponenty rechevogo obshcheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Kinetic and proxemic components of speech communication: Abstract of PhD thesis]. Moscow, 1987. 22 p. (in Russian)
 5. Gevorkian K.U. Kinesicheskii iazyk (Vvedenie v kinesiku): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Kinetic language (Introduction to kinesics): Abstract of PhD thesis]. Yerevan, 1991. 39 p. (in Russian)
 6. Goncharova L.M. Issledovatel'skie napravleniya sovremennoi kommunikativistiki [Research directions of modern communication]. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaja kommunikativistika. 2025, vol. 14, no. 1, pp. 5–6. DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-1-5-6. (accessed 07.09.2025) (in Russian)
 7. Gornostaeva Yu.A., Kolmogorova P.A. Zhesty komforta kak neverbal'nye markery stressa pri obsuzhdenii ostrosotsial'nogo voprosa [Comfort gestures as non-verbal markers of stress when discussing a sharp social issue]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikatsija. 2023, vol. 21, no. 1, pp. 30–53. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-1-30-53 (accessed: 03.08.2025). (in Russian)
 8. Gurevich T.M. Natsional'no-kul'turnaja obuslovленnost' nepriamoj kommunikatsii [National and cultural conditioning of indirect communication]. Vestnik MGIMO Universiteta. 2013, no. 2, pp. 163–166. (in Russian)
 9. Dubinskii V.I. Kinemy. Neverbal'nyi iazyk v zhestakh [Kinemes. Non-verbal language in gestures]. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaia kommunikativistika. 2015, vol. 4, no. 2, pp. 15–20. DOI: 10.12737/10570 (accessed 14.09.2025) (in Russian)
 10. Zvereva M.I. Evfemizmy v sovremennoi publitsistike kak indikatory sostoianiia iazykovoi sredy: dis. ... kand. filol. nauk [Euphemisms in modern journalism as indicators of the state of the language environment: PhD thesis]. 2024. 164 p. (in Russian)
 11. Katsev A.M. Iazykovoe tabu i evfemiia [Language taboo and euphemism]. Leningrad: Izd-vo LGPI im. A.I. Gertsena, 1988. 80 p. (in Russian)
 12. Kolshanskii G.V. Paralingvistika [Paralinguistics]. Moscow: Nauka, 1974. 81 p. (in Russian)
 13. Kol'tsova E.A., Kartashkova F.I. Multimodal'nyi kharakter tsifrovoi kommunikatsii: funktsionirovaniye emodzi v mezhluchnostnom obshchenii [Multimodal nature of digital communication: the functioning of emoji in interpersonal communication]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2022, vol. 13, no. 3, pp. 769–783. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783 (accessed: 03.08.2025). (in Russian)
 14. Koroteeva V.V., Zheleznikova N.V. Polimodal'nyi i lingvisticheskii aspekty issledovaniia mezhsemioticheskoi adaptatsii evfemizmov [Polymodal and linguistic aspects of the study of intersemiotic adaptation of euphemisms]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2022, no. 76, pp. 76–104. DOI 10.17223/19986645/76/4 (accessed: 02.08.2025). (in Russian)
 15. Larionova M.V. Ispanskii gazetno-publitsisticheskii diskurs: iskusstvo informatsii ili masterstvo manipuliacii? [Spanish newspaper and journalistic discourse: the art of information or the skill of manipulation?]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (universitet) (accessed: 03.08.2025). (in Russian)
 16. Logvina S.A. Osobennosti prosodicheskoi organizatsii nekotorykh poniatinykh elementov evfemizma [Features of the prosodic organization of some conceptual elements of euphemism]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2020, vol. 11, no. 4, pp. 716–732. DOI 10.22363/2313-2299-2020-11-4-716-732 (accessed: 02.08.2025). (in Russian)
 17. Mudraia O.V. Funktsii neverbal'nykh komponentov v sisteme iazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Functions of non-verbal components in the language system: Abstract of PhD thesis]. Moscow, 1995. 16 p. (in Russian)
 18. Nikolaeva T.M., Uspenskii B.A. Iazykoznanie i paralingvistika [Linguistics and paralinguistics]. Lingvisticheskie issledovaniia po obshchei i slavianskoi tipologii. Moscow: Nauka, 1966, pp. 63–71. (in Russian)
 19. Rodchenko A.V. Fonicheskie sredstva evfemii v ispanskom iazyke (na materiale kubinskogo natsional'nogo varianta) [Phonetic means of euphemism in Spanish (based on the Cuban national variant)]. Filologicheskii aspekt. 2024, no. 9, pp. 43–50. (in Russian)
 20. Stepanov Yu.S. Iazyk i metod. K sovremennoi filosofii iazyka [Language and method. Towards a modern philosophy of language]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1998. 784 p. (in Russian)
 21. Talybina E.V. Neverbal'nye sredstva kommunikatsii v russkom rechevom etikete [Non-verbal means of communication in Russian speech etiquette]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Russkii i inostrannyye iazyki i metodika ikh prepodavaniia. 2005, no. 1, pp. 59–65. (in Russian)
 22. Torsueva I.G. Intonatsiya i smysl vyskazyvaniia [Intonation and the meaning of the statement]. Moscow: Nauka, 1979. 111 p. (in Russian)
 23. Chanyshsheva Z.Z. Vzaimodeistvie iazykovykh i neiazykovykh faktorov v protsesse rechevogo obshcheniya [Interaction of linguistic and non-linguistic factors in the process of speech communication]. Ufa: BGU, 1984. 80 p. (in Russian)
 24. Allan K., Burridge K. Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
 25. Casas Gómez M. La interdicción lingüística. Mecanismos de eufemismo y disfemismo. Cádiz: Servicio de publicaciones, Universidad de Cádiz, 1986. 297 p.
 26. Chavarría D., Vasco J.E. Completo Camagüey. La Habana, 1990. 210 p.
 27. Cofiño M. La última mujer y el próximo combate. La Habana, 1975. 303 p.

28. Gawne L., Cooperrider K. Emblems: Meaning at the interface of language and gesture. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2024, vol. 9, no. 1, pp. 1–39. DOI: 10.16995/glossa.9705 (accessed: 01.08.2025).
29. Gili y Gaya S. *Curso superior de sintaxis española*. Barcelona, 1985. 347 p.
30. Hualde J.I., Prieto P. 10 Intonational variation in Spanish: European and American varieties. *Intonation in Romance*. 2015, pp. 350–391. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199685332.003.0010> (accessed: 31.07.2025).
31. Kany C. *American-Spanish Euphemisms*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. 243 p.
32. López Velaz E.F. *El reverso de la moneda*. La Habana, 1996. 119 p.
33. Mansur Guérios R.F. *Tabus lingüísticos*. Río de Janeiro: Organização Simões Ed., 1956. 243 p.
34. Meo Zilio G., Mejía S. *Diccionario de gestos. España e Hispanoamérica*. Bogotá, 1983. T. I. 190 p.
35. Meo Zilio G., Mejía S. *Diccionario de gestos. España e Hispanoamérica*. Bogotá, 1983. T. II. 235 p.
36. Montero E. *El eufemismo en Galicia (Su comparación con otras áreas romances)*. Universidad de Santiago de Compostela: Verba, Anuario Gallego de Filología (anexo 17), 1981. 332 p.
37. Rabanales A. *Eufemismos hispanoamericanos (Observaciones al libro de Kany)*. Revista Portuguesa de Filología. 1966–1968, no. XIV, pp. 129–155.
38. Roberto Y. *New vs. Old Information Intonation Strategies in the Spanish Spoken in Pasto, Colombia*. *Hispanic Studies Review*. 2025. Vol. 9, no. 1. URL: <https://hispanicstudiesreview.cofc.edu/article/128599-new-vs-old-information-intonation-strategies-in-the-spanish-spoken-in-pasto-colombia> (accessed: 01.08.2025).
39. Senabre R. *El eufemismo como fenómeno lingüístico*. Boletín de la Real Academia Española. 1971. LI, pp. 175–189.